

ПРЕЗУМПЦИЯ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Кирилл Мальцев

18+

Кирилл Мальцев

Презумпция рациональности

«Автор»
2026

Мальцев К.

Презумпция рациональности / К. Мальцев — «Автор», 2026

Мир держится на простой иллюзии: монстров не существует.Судебный психиатр Светлана Наумова знала это наверняка. Пока в её смотровом боксе не треснуло пространство, а в квартиру не ворвалась тварь, равнодушная к пулям.Для коллег и знакомых её упекли в закрытый санаторий с тяжёлым нервным срывом. В реальности — она получила позывной «Фокс» и стала полевым аналитиком тайного Ордена, удерживающего Завесу между нашим миром и Тьмой.След культа ведёт на 66-ю параллель — к заброшенной сталинской шахте в вечной мерзлоте, где враг готовит масштабный прорыв. Времени — до дня зимнего солнцестояния. И чтобы переломить исход безнадёжной битвы, Светлане придётся сделать невозможное: шагнуть в полярный ад и доказать, что холодный человеческий разум сильнее первобытного кошмара.

© Мальцев К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Дефект плоскости. 5
Глава 1. Точка невозврата. 8
Глава 2. Протокол сокрытия. 15
Глава 3. Препарирование веры. 20
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Кирилл Мальцев
Презумпция рациональности

Пролог. Дефект плоскости.

За четырнадцать лет судебно-психиатрической практики сорокадвухлетняя Светлана Наумова научилась препарировать безумие с точностью патологоанатома.

Она знала: у любого психоза есть биологический каркас. За каждым бредовым конструктом стоит сбой нейромедиаторов, органическое поражение коры головного мозга или психотравма. Диплом юриста приучил её доверять только протоколам и доказательствам, а степень по клинической психиатрии — смотреть на чужую агонию равнодушно. Закон и наука защищали её от хаоса.

До этого вечера.

Смотровой бокс номер четыре в цоколе закрытого отделения судебно-медицинской экспертизы пропах хлорной известью, сырым бетоном и застарелым человеческим потом. Под потолком гудела сдвоенная люминесцентная лампа, заливая комнату мертвенным белым светом.

Напротив Светланы за стальным столом сидел Денис Крюков — двадцатитрёхлетний студент геодезического факультета. Два дня назад его с трудом задержали в тоннелях метро. Он заблокировал щитовую, обесточив тем самым всю ветку, и исписал технические перекрытия сложными геометрическими диаграммами.

Сейчас парень был пристегнут широкими брезентовыми фиксаторами к тяжёлому металлическому стулу. Его больничная рубашка промокла от пота, а ногти на правой руке были содраны под корень — Денис монотонно, с тупым упорством скреб пальцами по стальной столешнице, оставляя прерывистые полосы бурой сукровицы.

— Денис, сфокусируйте взгляд на мне, — Светлана говорила низким, грудным, выверенным голосом. Перед ней лежал бланк предварительного освидетельствования и изящная черная перьевая ручка. — Вы помните, какой сегодня день недели?

Парень медленно задрал подбородок. Его зрачки были расширены до предела, полностью поглотив радужку.

— Сегодня плоскости не сходятся, доктор Наумова, — прошептал он, глядя ей прямо в глаза. Его голос звучал неестественно глухо, с двоящимся резонансом, словно слова шли не из гортани, а отражались от стен пустого резервуара. — Вы строите свои клетки из параграфов и диагнозов. Но мир — это всего лишь натянутая марля. Если правильно рассчитать угол и добавить боли, волокна расходятся.

— Вы говорите метафорами, — Света зафиксировала замечание в бланке: *«Искажение апперцепции, геометрический бред, фиксация на телесных повреждениях»* . — Боль не меняет структуру пространства, Денис. Она лишь стимулирует ноцицепторы.

— Нет, доктор. — Денис оскалил окровавленные зубы в жуткой, судорожной улыбке. — Боль — это давление на шов.

Лампа над головой вспыхнула ядовито-синим и с глухим хлопком разорвалась, осыпав стол и волосы Светланы горячими стеклянными крошками. Светлана вскрикнула от неожиданности и вскочила со стула. Позади неё раздался щелчок — автоматика заблокировала единственный путь наружу.

Комната мгновенно провалилась в серый полумрак, рассеиваемый лишь узкой полосой аварийного света из дверного глазка.

В следующую секунду температура в боксе рухнула. Воздух сгустился, превратившись в ледяной туман. Света выдохнула — изо рта вырвалось белое облако пара. Пальцы, сжимавшие ручку, мгновенно одеревенели от холода, которого просто не могло быть в отапливаемом подвале в начале осени.

Денис выгнулся дугой. Раздался хруст — суставы его ключиц вывернулись наружу, преодолевая сопротивление натянутых ремней. Под его бледной, тонкой кожей проступили чёрные пульсирующие тяжи, напоминающие ветвистые мицелии гриба. Они вздувались, переползая от шеи к вискам.

— Денис, прекратите это немедленно! — крикнула Света, медленно пятясь к выходу.

Она нащупала на стене тревожную клавишу и вдавила её до упора. Ни звука. Светодиод блокировки на двери не горел. Внутренняя связь клиники была мертва.

В дальнем углу бокса плотность тени изменилась.

Светлана смотрела в угол и физически ощущала, как её мозг захлестывает волна острой, парализующей тошноты. В горле мгновенно пересохло, а мозг отказывался верить глазам: углы комнаты больше не образовывали девяносто градусов. Пространство словно заламывалось само в себя, и из этой трещины в бетонной кладке начало вываливаться нечто, нарушающее все законы анатомии.

Оно напоминало клубящийся сгусток застывшей нефти, гниющего мяса и сегментированных суставов. От него разило какой-то химией и кровью. Тварь не издавала привычных звуков, но от трещины, из которой она выбиралась, исходил пронзительный писк, грозивший повредить барабанные перепонки.

Денис забился в кресле, захлебываясь ликующим, горловым клекотом.

Сгусток из угла подался вперед. Суставчатые наросты скользнули по линолеуму, оставляя кровавые борозды. Света отскочила в противоположный от монстра угол и инстинктивно вскинула перед грудью пластиковую папку-планшет — бесполезный, жалкий барьер против существа, которого не должно было существовать. Первобытный, абсолютный ужас сковал её.

В этот момент дверь распахнулась.

В проеме возник мужчина в темно-сером пальто и плотных тактических перчатках. Он уверенно шагнул в бокс. В левой руке он держал ребристый цилиндр, напоминающий крупный фонарь, в правой — тяжелый пистолет с длинным глушителем.

Мужчина навёл фонарь на почти сформировавшуюся тварь в углу и нажал на кнопку.

Помещение залило ослепительным лучом ультрафиолета узкого спектра. Воздух взорвался едким запахом озона.

Существо в углу издало сухой, скрежещущий визг, вспучилось черной пеной и стало стремительно опадать, распадаясь на хлопья пепла, которые растворялись прямо в воздухе, не долетая до пола.

Не опуская фонаря, незнакомец плавно перевел ствол пистолета на бьющегося в конвульсиях Дениса.

Убедившись, что студент не сможет вырваться, мужчина убрал пистолет в кобуру, а затем достал из внутреннего кармана шприц с прозрачной жидкостью. Шагнув к Денису, он резким, точным движением вогнал иглу ему в шею и нажал на поршень. Денис мгновенно обмяк на ремнях, выдохнув сгусток черноватой пены. Чёрные тяжи под его кожей опали и побледнели.

Наступила глухая, звенящая тишина. Слышно было только прерывистое дыхание Светланы и хруст разбитого стекла под ногами.

Мужчина убрал фонарь во внутренний карман и повернулся к Светлане. У него было бледное, непримечательное лицо человека среднего возраста. Он был коротко подстрижен, а из-под бровей на Светлану смотрели холодные голубые глаза.

— Разрешите? — спросил он ровным, почти протокольным тоном, протягивая к ней руку ладонью вверх.

Света стояла, прижавшись спиной к стене. Пальцы намертво вцепились в пластик папки, а разум упорно отказывался верить тому, что она видела несколько секунд назад. Она протянула дрожащую руку навстречу незнакомцу.

Мужчина схватил её за запястье и замер. Меньше чем через минуту он отпустил руку Светланы и хмыкнул:

— Сто тридцать пять. Превосходная компенсация шока. Без ступора и без истерики. Девять из десяти подготовленных следователей на вашем месте сейчас бы захлёбывались собственной рвотой.

Он подошел к столу, достал из кармана визитку из плотного белого картона без опознавательных знаков — только одиннадцать напечатанных цифр — и бросил её на чистый лист протокола.

— Вам, наверное, чертовски интересно, что здесь произошло? К сожалению, сейчас у нас нет времени на разговор. Через три минуты сюда спустится дежурная смена охраны и ваш знакомый майор Ковалев.

Мужчина шагнул ближе, глядя ей прямо в глаза:

— Вы скажете им, что у Дениса случился острый приступ эпилепсии на фоне короткого замыкания проводки. Камеры наблюдения на этаже уже перепрошиты, на серверах — нужные нам помехи.

— Это дача заведомо ложного заключения, — на автомате проговорила Светлана, цепляясь за остатки привычной реальности. — Триста седьмая статья.

Незнакомец холодно усмехнулся:

— Ваши статьи защищают гражданский порядок от людей, Светлана Алексеевна. Но они не имеют силы против того, что только что пыталось прорваться сюда. Вы слишком умны, чтобы отрицать очевидное: прежняя система координат для вас закрыта.

Он развернулся к распахнутой двери:

— Завтра ровно в девять ноль-ноль наберите этот номер. Нам нужны эксперты, чей рассудок не ломается при виде прорыва. Опоздаете хотя бы на минуту — мы посчитаем, что вы не справились с первичной травмой, и закроем инцидент другим протоколом.

Мужчина исчез в темном коридоре.

Светлана осталась стоять посреди комнаты, глядя на белую карточку на столе, пока вдалеке не послышался тяжелый топот бегущих по лестнице людей.

Глава 1. Точка невозврата.

Утро пахло остывшим кофе.

Светлана сидела за кухонным столом на десятом этаже, одетая в строгую серую блузку и шерстяные брюки — привычную броню судебного эксперта. Перед ней лежали рабочий ежедневник в переплёте из чёрной телячьей кожи, неизменная перьевая ручка и белая визитка с одиннадцатью цифрами.

Она так и не смогла сомкнуть глаз. Каждый раз, когда веки тяжелели, сознание услужливо подсовывало картинку: угол смотрового бокса, ломающиеся плоскости и сгусток гниющего дёгтя, источающий химический смрад. Она боролась с этим так, как учила студентов на кафедре: методично раскладывала собственный шок на симптомы. «*Тахикардия — купирована. Тремор дистальных отделов конечностей — остаточный. Слуховые галлюцинации отсутствуют. Отсутствуют?*»

Ровно в девять Света набрала номер.

Трубку сняли на первом же гудке. Никаких приветствий.

— Слушаю вас, доктор Наумова.

— Я сделала так, как вы сказали, — произнесла Светлана ровным голосом, глядя в окно на серую дымку над городом. — Следователь Ковалев зафиксировал тяжёлый приступ эпилепсии с вывихом плечевых суставов. Я подписала предварительное заключение. Ваш ход.

— Крылова, девять дробь шесть. Бывшее здание картографического архива. Цокольный этаж. У вас сорок минут, — продиктовал голос, и вызов сбросился.

***

Здание архива нависало над Светой тяжёлой сталинской громадой.

Света спустилась по скользким бетонным ступеням к массивной металлической двери без номеров и табличек. Из динамика старого переговорного устройства донеслось сухое шипение.

Она не успела ничего сказать, как магнитные замки лязгнули, дверь подалась внутрь.

Коридор за ней не имел ничего общего с сырым подвалом: серый промышленный наливной пол, светодиодные панели нейтрального спектра, безупречно работающая приточно-вытяжная вентиляция с лёгким запахом озона. За бронированным стеклом проходной дежурил мужчина в штатском, перед которым светились экраны с десятками камер наружного наблюдения. Он молча кивнул в сторону бронированной двери в конце коридора.

Света вошла в аналитический зал.

Пространство напоминало нечто среднее между криминалистической лабораторией и вычислительным центром. Вдоль стен тянулись серверные стойки, на широких магнитных панелях висели топографические схемы подземных коммуникаций города, диаграммы электромагнитных аномалий и распечатки биллинга мобильных вышек. В центре стоял широкий металлический стол.

За столом сидел мужчина, спасший её вчера. Без пальто, в тёмной форменной рубашке с закатанными до локтей рукавами, он выглядел на несколько лет старше — на висках отчётливо серела густая проседь, а под холодными голубыми глазами залегли тени хронической бессонницы.

На столе перед ним лежал раскрытый жёсткий кейс. Внутри, в чёрных поролоновых пазах, лежали стеклянная ампула с прозрачным раствором и одноразовый автоматический инъектор с широкой иглой.

— Присаживайтесь, Светлана Алексеевна, — он жестом указал на металлическое кресло напротив. — Кофе предлагать не буду. Времени мало.

Света села, аккуратно поставив кожаную сумку на соседний стул, и сразу указала подбородком на кейс:

— Что это?

— Протокол выхода, — мужчина положил ладонь на край кейса. — Синтетический нейропаралитический модулятор с направленным блокиратором консолидации следов памяти. Вы получаете внутримышечную инъекцию и через двадцать минут засыпаете. Просыпаетесь в сквере у своего дома с твёрдой уверенностью, что вчера вечером у вас случился микроинсульт на фоне многолетней перегрузки.

— Вы сотрёте мне память? — её брови взлетели. — Хоть представились бы для начала.

Мужчина проигнорировал её замечание и продолжил:

— Только последние тридцать шесть часов. Без повреждения базовых когнитивных функций. Вы вернётесь к своей кафедре, к судебным экспертизам, к написанию докторской. Будете жить нормальной, предсказуемой жизнью взрослого успешного человека.

— А второй вариант?

Мужчина повернул к ней один из мониторов. На экране мерцала карта страны. Она была покрыта сетью разноцветных точек — десятки, сотни мелких очагов, сосредоточенных вдоль европейской части. В верхнем углу бежал красный счётчик с датами за последние пять лет. График взмывал вверх по крутой экспоненте.

— Второй вариант — вы остаетесь, и мы используем ваш аналитический ресурс, — произнес мужчина. — Но, если решите остаться, то вы должны понимать главное, доктор Наумова: мы проигрываем эту войну.

Света нахмурилась, вглядываясь в цифры на графике:

— Кто «вы»? И что это за точки?

— Мир, к которому вы привыкли, защищён барьером. Мы называем его Завесой. Это не материальная стена, а скорее психоэнергетический контур. Он существует только потому, что миллиарды людей верят в физику, причинно-следственные связи, восход солнца по расписанию и так далее. Коллективный человеческий рационализм держит эту мембрану. А за ней — Тьма. Пространство, где нет законов природы, а есть сущности, чей голод и логика не поддаются человеческому пониманию. То, что вы видели вчера в подвале — всего лишь паразит, просочившийся сквозь микротрещину.

— А точки на карте?

— Это точки напряжения. Их создает наш враг. Не просто какие-то сумасшедшие, а высокоорганизованная международная сеть. Учёные, финансисты, инженеры, оккультисты. Они поняли механику Завесы и целенаправленно стремятся разрушить её. Они устраивают необъяснимые массовые бойни, взрывают логику общества, сеют параноидальный психоз. Зачем? Чтобы пробить барьер, впустить сюда то, что скрывается во Тьме и получить взамен ресурсы, абсолютную власть или извращённую форму бессмертия.

Мужчина перевёл тяжёлый взгляд на Светлану:

— За последние три года количество спланированных брешей выросло на триста восемьдесят процентов. Наших оперативных групп не хватает, чтобы затыкать все дыры. Мы просто ставим заплатки на плотину, которую вот-вот смоет. Если вы остаётесь — то подписываетесь на работу в тонущем корабле.

Света молчала полминуты. Её разум, годами взвешивавший риски и доказательства, работал с предельной скоростью. Стереть память? Забыть тошнотворный ужас и сделать вид, что под кроватью в её уютной спальне ничего нет?

Для человека, построившего жизнь на контроле и понимании реальности, добровольная амнезия была хуже смерти.

— Если я сделаю укол, — медленно произнесла она, — это гарантирует, что такая тварь больше никогда не появится в моей жизни?

— Нет, — честно ответил мужчина. — Это гарантирует только то, что в случе повторного контакта вы умрёте, не понимая, что происходит.

Света протянула руку и с сухим щелчком захлопнула крышку кейса с инъектором.

— Я согласна. Но будьте так добры, представьтесь.

Мужчина смерил её долгим, оценивающим взглядом.

— Ворон. Кличка, позывной — считайте, как вам удобнее. Официальных удостоверений не будет, подписок о неразглашении тоже.

Он убрал кейс с ампулой в сейф под столом, запер его ключом и кивнул на бронированную дверь в глубине зала:

— Идемте. Здесь мы закончили. Настоящие материалы хранятся уровнем ниже.

***

— Это взяли на конспиративной квартире Дениса Крюкова за сорок минут до того, как он устроил замыкание в метро, — Ворон положил тетрадь перед Светланой и бросил рядом пару нитриловых перчаток. — Наши спецы уже прочесали текст. Теперь я хочу услышать от вас, доктор Наумова. Что вы думаете?

Света натянула перчатки. Тонкая резина с тихим шелестом обтянула пальцы. Привычный жест мгновенно вернул её в состояние абсолютной профессиональной концентрации.

Она раскрыла тетрадь.

Бумага была влажной, с резким запахом гари. Первые страницы действительно напоминали конспекты прилежного студента-геодезиста: аккуратный наклонный почерк, схемы триангуляции, расчёты погрешностей лазерных дальномеров. Но ближе к середине строки начинали ломаться. Записи о лекциях сменялись плотными таблицами временных интервалов и анатомическими набросками.

Света достала из сумочки перьевую ручку, используя её закрытый колпачок как указку, и методично пошла по строкам.

— Бедный юноша, — хмыкнула Света спустя двадцать минут тишины, нарушаемой лишь шелестом страниц. — Это протокол психофармакологического внушения.

Ворон оторвался от планшета и посмотрел ей в глаза:

— Поясните.

— Денис не действовал спонтанно. Его вели по классической схеме деструктивной обработки: циклическая депривация сна, сенсорная перегрузка и микродозы стимуляторов. Тот, кто работал с Крюковым, целенаправленно ломал его таламокортикальную систему — фильтр, который отвечает за обработку сигналов в мозге. Парня убедили, что физическая боль и кровь — это рычаг, способный смещать пространственные плоскости.

— Кто способен на такую обработку?

— Специалист с академическим образованием. Психиатр, фармаколог или опытный судебный эксперт. Но главное не это.

Света отодвинула тетрадь и притянула к себе финансовые выписки и распечатки договоров, изъятые из квартиры Крюкова. Её юридический опыт мгновенно выстроил схему.

— Посмотрите сюда, — она постучала кончиком ручки по копии договора субаренды. — Фирма «Северный Геоконтур». Фиктивное юрлицо, зарегистрированное три месяца назад. Они оформили допуск в кабельные коллекторы городской энергосети для «мониторинга просадки грунтов». Вчерашний инцидент в смотровом боксе больницы... Вы правда думали, что это их главная цель?

Ворон нахмурился:

— Он вскрыл Завесу в черте города. Если бы тварь сформировалась полностью, жертв было бы не избежать.

— Это был отвлекающий маневр, — отрезала Светлана, перевернув страницу тетради. — На тридцать четвертой странице Денис рассчитал график реакции экстренных служб. Устро-

ить инцидент в метро, парализовать движение, попасть на освидетельствование и устроить локальный ад в клинике. Зачем? Чтобы стянуть на себя всю полицию города и связать боем вашу оперативную группу.

Она придвинула тетрадь вплотную к Ворону:

— Основной удар планируется не в больнице. «Северный Геоконтур» получил доступ к тяговой подстанции «Сибирская». У них будет целая ночь на подготовку. И утром, когда поток людей будет максимальным, они приведут план в действие.

В архиве повисла тишина.

Ворон взял рацию, стоящую на столе, за которым сидела Света.

— Говорит Ворон. Группе захвата — готовность «Ноль». Комплекты подавления, тройной боекомплект. Сбор в подземном боксе через десять минут. Объект — подстанция «Сибирская».

Света поднялась из-за стола, аккуратно снимая перчатки:

— Мне нужны схемы подстанции и список дежурной смены. Если...

— Нет, — Ворон покачал головой.

— Что значит «нет»?

— Вы проделали отличную работу. Без вашей экспертизы мы бы искали точку входа ещё сутки, и было бы поздно. Но на этом все.

— Но... я поняла ход их мыслей. Я помогу найти их.

— У вас есть опыт боевых контактов?

— Нет... но...

— Вот именно. Вы станете обузой, которую моим бойцам придётся прикрывать своими телами. Этого я допустить не могу.

Света сжала пальцы, чувствуя, как внутри вспыхивает холодная ярость, но в то же время она понимала: он абсолютно прав.

— И что мне делать?

— Сейчас вас проводят наверх. Дежурный вызовет машину. Вы поедете домой, примете горячий душ. Никаких звонков коллегам, никаких записей. Завтра ровно в десять утра я лично приеду к вам, и мы оформим ваш официальный контракт аналитика.

Ворон шагнул к выходу из архива:

— Вы спасли этот город от бойни, Светлана Алексеевна. Теперь дайте профессионалам закончить дело. Езжайте домой.

***

Домой Светлана вернулась около двух часов дня. Город жил своей обычной суетливой жизнью, и этот контраст казался почти болезненным.

Оставшиеся полдня превратились в попытку удержать ускользающую нормальность. Первые два часа Света потратила на рутину: заперлась в квартире, приняла горячий душ и заставила себя съесть тарелку бульона. Организм требовал сна, но мозг продолжал лихорадочно перебирать цифры из тетради Дениса.

Чтобы не сойти с ума от ожидания, она села за работу. Проверила почту, ответила на два формальных запроса из следственного комитета, вычитала проект апелляционной жалобы по старому гражданскому делу и даже сделала набросок рецензии на чужую кандидатскую. Всё это было механическим, почти ритуальным действием — попыткой доказать самой себе, что её прежний мир всё ещё существует, а законы логики и права по-прежнему имеют силу.

Ближе к вечеру она попыталась лечь, но уснуть так и не смогла. К полуночи тревога стала почти невыносимой. Света знала: таймер, запущенный Денисом, отсчитывает последние часы, и прямо сейчас на подстанции «Сибирская» решается судьба всего города.

В два часа восемнадцать минут она всё так же сидела в гостиной с ноутбуком на коленях, кутаясь в плед. Чашка с ромашковым чаем давно остыла.

Внезапно экран ноутбука моргнул и погас.

В ту же секунду на кухне с тихим щелчком отключился холодильник. За окном, выходящим на проспект, мгновенно потухли гирлянды фонарей, фасадная подсветка высоток и неоновая вывеска круглосуточной аптеки. Целый квартал накрыла чёрная тень.

Света замерла, не убирая пальцев с клавиатуры.

Воздух в гостиной стал стремительно остывать. С каждым выдохом перед лицом Светланы клубилось белое облако пара. Комнату заполнил знакомый запах. Пахло химией, кровью и затхлостью. Света почувствовала, как её пульс учащается.

Она потянулась к лежащему на столике смартфону. Стекло экрана покрылось тонкой изморозью. Телефон не реагировал на кнопки — батарея мгновенно села в ноль, словно заряд просто испарился из аккумулятора.

За дверью раздался металлический скрежет, словно кто-то пытался попасть ключом в замочную скважину, но у него никак не получалось это сделать.

Света бесшумно поднялась с дивана, отступая в глубь комнаты, к тяжёлому дубовому книжному шкафу. Пальцы нашарили на полке литую бронзовую статуэтку Фемиды — килограмма полтора монолитного металла.

Скрип открывшегося замка электрическим разрядом ударил по нервам. Входная дверь открылась с лёгким поскрипыванием. В коридоре раздались тяжёлые шаги.

В гостиную вошёл человек. Точнее, то, что когда-то было человеком.

Это был двухметровый гигант в разорванной рабочей робе монтажника. Плечи и торс раздулись до уродливых пропорций, ткань на груди лопнула под давлением гипертрофированных мышц. Под серой кожей, больше подходящей мертвецу, чем живому человеку, ветвились толстые, пульсирующие чёрные вены.

Глаза существа были абсолютно белыми — слепые, затянутые бельмами, они источали слабый фосфоресцирующий свет.

— Устранить... погрешность, — прохрипел гигант, медленно направляясь к ней. Паркетные доски под его тяжёлыми ботинками трещали, с трудом выдерживая вес чудовища.

Света хотела было закричать, но вместо этого из её горла вырвался лишь хрип. Она размахнулась и что было сил метнула тяжёлую бронзовую статуэтку прямо в голову твари.

Фемида пролетела через всю комнату и врезалась монстру точно в лоб. Обычного человека это как минимум оглушило бы.

Монстр даже не моргнул.

С невероятной для такой массы скоростью он оказался возле Светланы, и его пальцы, твёрдые как тиски, сомкнулись на её шее.

Её оторвало от пола и с силой впечатало в книжный шкаф.

Деревянные полки затрещали, книги посыпались на пол. Воздух мгновенно вышибло из лёгких. Света захрипела, отчаянно вцепившись обеими руками в запястье твари, но пальцы соскальзывали с ледяной кожи.

Гигант медленно занёс вторую руку, складывая пальцы в подобие клина и целясь ей прямо в солнечное сплетение.

В этот момент со стороны коридора раздался приглушённый звук выстрела. Пуля вошла гиганту точно под лопатку. Тварь зарычала и выпустила Светлану из смертельной хватки.

Света рухнула на пол, ударившись рёбрами о ножку стола, и судорожно вдохнула ледяной воздух.

В дверном проёме стоял Ворон. Он пошёл на гиганта, продолжая стрелять, пока магазин не опустел. Гигант дёргался от каждого попадания, но не падал.

Щелчок затвора сработал как триггер. Гигант бросился на Ворона.

Ворон отбросил пистолет в сторону и рванул вбок — но существо среагировало быстрее. Массивная рука словно реактивный снаряд врезалась оперативнику в плечо. По комнате разнёсся треск ломающейся кости.

От силы удара Ворона швырнуло через всю комнату. Он снёс журнальный столик, врезался спиной в стену и осел на пол, судорожно сплёвывая алую пену. Его правая рука была неестественно вывернута у основания плечевого сустава.

Тварь двинулась к нему, чтобы закончить начатое.

Ворон полулежал у стены. На его лице не было паники — только бешеный оскал загнанного в угол волка. Здоровой левой рукой он рванул клапан на нагрудном бронежилете и вытащил тяжёлый металлический цилиндр чёрного цвета с длинной, пугающе толстой иглой. Внутри прозрачной колбы переливалась густая, тёмная, почти чёрная жидкость.

Не теряя ни секунды, Ворон с размаху вогнал иглу прямо в боковую часть собственной шеи.

Послышался резкий звук сработавшей пневматики.

Тело оперативника выгнуло судорогой. Его лицо мгновенно побагровело, а глаза залила сплошная тёмная кровь, превратив их в два угольных провала. Вены на его шее и висках вздулись толстыми канатами. Ворон издал низкий, вибрирующий рык, от которого у Светланы заломило зубы.

Нога гиганта обрушилась вниз, проламывая паркет, но Ворона там уже не было.

Светлана не смогла разглядеть, каким невероятным манёвром Ворон ушёл от удара. Левой рукой ухватив монстра за ворот робы, он с оглушительным треском впечатал двухметровую тушу лицом в стену, оставив в ней круглую вмятину.

Прежде чем гигант успел развернуться, Ворон выхватил с бедра короткий массивный инъектор — тяжёлый, с тремя зазубренными шипами на конце и толстым поршнем, наполненным серебристой, маслянистой на вид жидкостью. Внутри корпуса мерцал слабый фиолетовый свет.

— Тебе пора домой, падаль, — прохрипел Ворон клокочущим, неузнаваемым голосом.

Он с размаху вогнал шипы инъектора прямо под затылочную кость монстра. Шипы пробили ороговевшую кожу и вошли в плоть. Палец Ворона вдавил спуск.

Эффект был мгновенным.

Впрыснутая жидкость вступила в реакцию с чёрными венами. Те вздулись, закипели и начали лопаться одна за другой, выбрасывая фонтанчики едкого пара. Ультрафиолет прожигал плоть изнутри, выжигая чёрные тяжи, как кислота выжигает бумагу. Гигант заревел. Его тело вспучилось, кожа пошла волдырями, а изо рта, носа и глазниц повалил густой чёрный дым.

Через три секунды агонии огромная туша рухнула на пол, распадаясь на комья серого, мгновенно остывающего пепла.

Ворон отшатнулся, упал на колени и согнулся пополам.

Его рвало чёрной слизью вперемешку с кровью. Пальцы левой руки непрерывно дрожали с частотой работающего мотора, а из носа на паркет хлестала тёмная венозная кровь.

Света, превозмогая пульсирующую боль в ушибленных рёбрах, на четвереньках подползла к нему и приложила два пальца к сонной артерии.

Пульс зашкаливал. Кожа Ворона пылала, как раскалённая печь. Его глаза были залиты кровью. Классическая картина гипертонического криза с угрозой отёка мозга и остановки сердца.

— Что вы себе вкололи?! — выкрикнула она, хватая его за лицо и пытаясь поймать взгляд. — У вас давление на грани разрыва аорты! Ещё минута — и вы труп!

Ворон с трудом поднял на неё взгляд. Он тяжело, с присвистом дышал:

— В правом... кармане жилета... синяя ампула. Автоинъектор. В бедро. Быстро.

Света сорвала липучку кармана, нащупала холодный пластиковый корпус и без колебаний с силой вбила иглу через тактические штаны в бедро Ворона.

Оперативник судорожно вдохнул, его тело расслабилось, а бешеный ритм пульса под пальцами Светланы начал медленно, неохотно падать. Чернота в его глазах стала отступать, обнажая мутные белки и лопнувшие капилляры.

Ворон привалился спиной к стене и вытер кровь под носом тыльной стороной грязной перчатки.

— Нас срисовали, — прохрипел он, с трудом ворочая языком. — Быстрее, чем я думал.

Он обвёл взглядом разгромленную гостиную: валяющуюся на полу статуэтку, перевёрнутый журнальный столик, вмятину в стене и кучу тлеющего пепла на полу.

— А теперь слушайте меня очень внимательно. У вас больше нет вариантов. Никаких. Если вы сейчас пойдёте на принцип, вызовете полицию и расскажете про двухметрового монстра — вас до конца недели оформят на принудительное лечение в спецучреждение. Если вы начнёте говорить лишнее — нам придётся ликвидировать вас как источник неконтролируемой угрозы Завесе. А если мы прямо сейчас сотрём вам память и оставим в этой квартире...

— Они пришлют ещё кого-нибудь, — отчеканила Светлана. — Я поняла.

Она посмотрела на книжные полки, на разорванные страницы своих монографий, на разбитую чашку, из которой пила чай вечером. Её прежний мир — упорядоченный, защищённый законами, степенями и должностями — был уничтожен.

Страх выгорел без остатка. На его месте осталась лишь ледяная пустота и холодный расчёт.

— Дайте мне пять минут, — тихо сказала она. — Мне нужно забрать паспорт, мою ручку и сменную одежду.

Глава 2. Протокол сокрытия.

Лазарет цокольного этажа архива больше походил на военно-полевую операционную, чем на кабинет гражданской медицины: белёные кирпичные стены, два хирургических стола из нержавейки, массивные шкафы с маркированными металлическими контейнерами и стойкий, въедливый запах изопропилового спирта.

Светлана сидела на краю кушетки, сжав зубы и глядя в одну точку на полу.

Дежурный врач — молчаливый седой мужчина в резиновом фартуке поверх хирургического костюма — методично затягивал на её грудной клетке широкие эластичные ленты иммобилизационной повязки. Каждое движение врача отдавалось под левой лопаткой острой, пульсирующей вспышкой боли.

— Глубокий вдох, — сухо бросил медик.

Света попробовала вдохнуть, но ребра словно прошило раскалённой спицей. Из горла вырвался сдавленный стон.

— Хватит, — врач зафиксировал липучки на спине и коротко постучал пальцем по снимку на светящемся негатоскопе. — Трещина в шестом и седьмом рёбрах слева. Плевра не задета, гемоторакса нет. Две недели покоя, тугая фиксация, нестероидные противовоспалительные по схеме. Никаких резких движений, доктор Наумова. Вам крупно повезло, что удар пришёлся по касательной. Этот... субъект мог просто проломить вам грудину.

Света медленно опустила серую блузку, стараясь не делать лишних движений. Пальцы мелко подрагивали, но лицо оставалось абсолютно бесстрастным.

— Поняла, — коротко ответила она, натягивая рукав. — Спасибо.

На соседнем столе, в трёх метрах от неё, сидел Ворон.

Его правая рука уже была жёстко притянута к торсу фиксирующим бандажом Дезо: плечевой сустав вправили под местной анестезией пять минут назад. Но внимание Светланы привлекло другое.

В левое предплечье оперативника была введена толстая игла капельницы. В прозрачную пластиковую систему самотёком уходил густой желтоватый раствор из стеклянного флакона с кодовой маркировкой *«Детокс-3 / Нейро-Блок»*. Рядом на стойке стоял портативный кардиомонитор, выводящий кривую сердечного ритма.

Линия ЭКГ выглядела пугающе: выраженная желудочковая экстрасистолия, зубец Т был патологически задран, интервал QT критически растянут. Пульс колебался возле отметки в сто десять ударов, несмотря на массивную дозу бета-блокаторов, которую врач только что ввёл через катетер.

Но страшнее всего было лицо Ворона.

Кожа вокруг его глазниц потемнела, на скулах и шее отчётливо проступали тонкие синюшные полосы лопнувших капилляров. Пальцы его здоровой левой руки непрерывно, мелко вибрировали, отбивая по краю простыни судорожную, неестественно частую дробь. Зрачки были сужены в спичечные головки и почти не реагировали на свет ламп.

— Синдром рикошета? — негромко спросила она, глядя на экран прибора.

Ворон медленно, словно преодолевая сопротивление застывших шейных позвонков, повернул к ней голову. В его мутном взгляде мелькнуло раздражение, но тут же погасло.

— Стандартный откат после... — оперативник осёкся на полуслове. — Ничего нового.

— После? Ничего нового? — Светлана указала пальцем на кривую сердечного ритма. — Ворон, у вас острая токсическая кардиомиопатия на фоне передозировки симпатомиметиков. Второе: у вас генерализованный постуральный тремор и, судя по реакциям зрачков, выраженный отёк промежуточного мозга. Тот препарат, который вы всадили себе в шею в моей квар-

тире... он не просто стимулирует надпочечники. Он разрушает миелиновые оболочки нервных волокон.

Ворон криво усмехнулся потрескавшимися губами:

— Вы удивительно проницательны для человека, которого четыре часа назад чуть не разорвали пополам, доктор Наумова.

— Я судебный эксперт и психиатр, — отрезала Света. — Я четырнадцать лет читала протоколы вскрытий наркоманов и психотиков. Так что вы приняли? Не похоже на военный стимулятор. Это скорее органический яд с выраженным психоактивным действием. Сколько таких доз может выдержать человек, прежде чем его сосуды превратятся в труху или он окончательно потеряет рассудок? Три? Пять?

Дежурный врач у стола молча собрал использованные шприцы в лоток для утилизации, бросил на Светлану насмешливый, но одобрительный взгляд и вышел из бокса, плотно прикрыв за собой звукоизолирующую дверь.

Ворон опустил глаза на свои вибрирующие пальцы.

— У вас нет доступа к этой информации... но... я сделаю исключение ввиду ваших выдающихся способностей и неизбежного присоединения к нам, — он заглянул ей в глаза и вздохнул. — В среднем семь. Семь полных инъекций до наступления необратимых последствий. Некоторые сгорают на пятой.

— И сколько у вас за плечами?

Ворон помолчал, слушая собственное прерывистое дыхание:

— Это была четвёртая.

Света замерла. Ворон продолжил:

— Я уже говорил вам, доктор Наумова. Мы проигрываем эту войну. Но это не означает, что мы намерены сдаться, — Ворон чуть повернулся на стуле и зашипел от боли в плече. — Тот громила, который выломал вашу дверь, — это результат глубокой индукции. Их тела пропитывают субстанцией Тьмы до тех пор, пока мышечные волокна не станут плотнее кевлара, а болевые рецепторы просто не отключатся. Обычный человек в рукопашном контакте против такой твари способен продержаться не больше пары секунд. Обычный огнестрел их лишь задерживает. Чтобы пробить их защиту, нашему телу нужен такой же уровень мышечного и нейронного ускорения. «Препарат» даёт этот шанс. На полторы минуты. Обычно этого достаточно, чтобы с помощью спецсредств нейтрализовать тварь.

Света смотрела на этого человека — изломанного, хладнокровного, готового сжечь собственный мозг ради выполнения задачи, — и вновь ощутила, как рушатся декорации привычной реальности. Ворон называл это войной, но то, что происходило, на её взгляд, называлось по-другому. Это была бойня.

Тяжёлая металлическая дверь лазарета с глухим лязгом отошла в сторону.

В бокс вошёл человек в полной штурмовой экипировке: тяжёлый бронежилет, тактический комбинезон, перепачканный бетонной пылью и копотью. Его лицо полностью скрывала чёрная балаклава, из-под которой виднелись лишь налитые кровью, предельно напряжённые глаза. На плече на одноточечном ремне висел укороченный автомат с толстым глушителем.

— Ворон, — голос штурмовика звучал глухо из-под плотной ткани маски. — Подстанцию отбили. Три резонансных контура демонтированы, техники зачищают следы. Взяли их старшего.

Оперативник шагнул ближе, оперевшись ладонью в кевларовой перчатке о спинку свободного стула:

— Мужик за пятьдесят, при галстуке, ухоженный. Сам лично стоял у рубильника и синхронизировал фазы. Стяжками скрутили, мешок на голову натянули и заперли в третьем экранированном боксе.

Ворон с трудом повернул голову к вошедшему:

— Он что-то сказал при задержании?

— Огрызается, — коротко бросил штурмовик. — Сказал, что мы опоздали, и что городская ветка была лишь разминкой. Требует адвоката и следователя прокуратуры. Думает, его по обычной уголовке за терроризм судить будут.

Боец коротко хрустнул костяшками пальцев:

— Дай мне пятнадцать минут в боксе, командир. Он у меня через десять запоёт соловьём: расскажет, кто он такой, кто его ведёт и где сидят остальные.

Ворон поморщился от вспышки боли в зафиксированном плече, перевёл взгляд на Светлану, а затем снова посмотрел на штурмовика:

— Отставить силовые методы. Он нужен мне с целой головой и способным членораздельно мыслить.

Ворон медленно, превозмогая слабость, поднялся с кушетки, придерживая здоровой рукой капельницу:

— Идём в аналитический. Посмотрим, кого вы вытащили из-под земли.

***

Аналитический зал встретил их ровным гулом серверных стоек и резким запахом дешёвого сублимированного кофе.

Дежурный медик отсоединил капельницу Ворона, оставив в вене лишь пластиковый катетер с заглушкой. Оперативник двигался медленно, с трудом удерживая равновесие, но спину держал прямо — сказывалась выучка человека, привыкшего функционировать далеко за пределами физиологической нормы.

Штурмовик стащил с головы балаклаву. Под ней оказалось грубое, обветренное лицо мужчины лет сорока с коротко стриженным светлым ежом, глубоким шрамом через левую бровь и тяжёлой челюстью бойца. Он бросил разгрузочный жилет прямо на металлический стеллаж у входа и выжидающе посмотрел на командира.

За центральным терминалом сидела девушка с острыми чертами лица и тёмными волосами, стянутыми в тугой узел на затылке.

Ворон остановился посреди зала, опёрся здоровой рукой о край стола и негромко произнёс:

— Минуту внимания. Знакомьтесь. Светлана Алексеевна Наумова. Судебный эксперт, психиатр, юрист. Человек, благодаря аналитике которого мы сегодня ночью накрыли подстанцию до того, как они замкнули контур. С этой минуты она работает с нами в статусе ведущего аналитика группы.

Штурмовик смерил Светлану долгим взглядом из-под насупленных бровей, задержавшись на её забинтованной груди и ссадине на скуле, затем коротко кивнул:

— Павел. Позывной «Грач». Старший штурмовой подгруппы.

Девушка за терминалом лишь на секунду оторвалась от экрана:

— Ирина. Технический контроль, связь и радиоэлектронная разведка.

Она сразу же вернулась к клавиатуре, и её пальцы с пугающей скоростью застучали по клавишам, переключая рабочие столы на широкой панели из четырёх мониторов:

— Городской контур закрыт. Семь минут назад дежурная часть МВД зарегистрировала локальный инцидент.

Ирина развернула крайний левый экран в сторону вошедших.

Светлана невольно сделала шаг вперёд, забыв о ноющей боли в рёбрах.

На мониторе шла прямая трансляция с уличной камеры наблюдения, установленной на перекрестке возле её дома. Двор высотки был оцеплен красно-белой лентой. Внизу мигали синие проблесковые маячки двух пожарных расчётов и кареты скорой помощи. Возле подъезда стоял знакомый участковый, методично оттесняя любопытных жильцов в халатах и куртках.

В бегущей строке городского новостного канала, открытого в соседнем окне, уже горел заголовок:

«Экстренные службы ликвидируют последствия хлопка бытового газа на десятом этаже жилого дома по улице Академика Королёва. По предварительным данным, причиной стала разгерметизация соединительного узла плиты. Несущие конструкции не повреждены. Пострадавших нет...»

— Хлопок газа, — тихо повторила Света. В горле пересохло.

— Стандартный протокол прикрытия второго уровня, — подал голос Ворон, подходя к столу. — Группа зачистки закончила работу тридцать минут назад. Паркет перестелен, оконная рама заменена на временный стеклопакет с тепловой пушкой, следы термического и электрического ожога обработаны химическим нейтрализатором. Никакого пепла. Никаких следов пулевых отверстий.

— А я? — Светлана перевела взгляд на Ирину. — В доме полно соседей. Меня знает весь подъезд. Председатель ТСЖ — моя бывшая клиентка.

Ирина даже не повернула головы:

— Наумова Светлана Алексеевна. Сорок два года. Кандидат медицинских наук, доцент кафедры судебной психиатрии, независимый эксперт городского суда. В два часа сорок минут ночи доставлена в ведомственный клинический госпиталь с диагнозом: «Закрытая черепно-мозговая травма, баротравма, реактивный невроз тяжёлой степени на фоне техногенного инцидента».

Девушка нажала клавишу ввода, и на экране всплыла официальная медицинская карта с цифровой подписью главного врача закрытого стационара:

— Режим строгой изоляции в отделении интенсивной терапии. Посещения запрещены на двадцать один день. Все текущие экспертизы по вашим четырём незавершённым делам в суде и следственном комитете перераспределены через канцелярию областного суда на доктора Сорокина и профессора Баранова. Соответствующие предписания уже ушли по защищённым каналам межведомственного документооборота.

Света смотрела на экран, чувствуя, как по спине пробегает холод.

Четырнадцать лет безупречной юридической практики. Дипломы, учёные степени, монографии, статус одного из самых авторитетных экспертов региона. Вся её выверенная, защищённая законом жизнь была аккуратно упакована в цифровой архив, переписана и отправлена в небытие за какие-то пару часов. Без судов, без ордеров, без единой заминки в бюрократическом механизме.

Организация не просто существовала рядом с государством — она пронизывала его насквозь, используя законы и институты как удобный камуфляж.

Ворон достал из металлического ящика под столом небольшой планшет в матовом прорезиненном корпусе со сканером отпечатка пальца и положил его перед Светланой.

— Ваш служебный терминал, доктор Наумова. Уровень допуска — «Аналитик-3». Доступ к региональной базе инцидентов, спектральным архивам и оперативной связи. Старый телефон можете выбросить. С этой секунды для внешнего мира вы находитесь под капельницей в закрытом боксе неврологии. Привыкайте.

Света приложила большой палец к сканеру. Экран мягко вспыхнул темно-синим светом, запросив короткий цифровой пароль. Она ввела комбинацию, чувствуя, как старая реальность окончательно отсекается, словно ампутированная конечность.

— А теперь о главном, — Ворон повернулся к штурмовику. — Грач, кого вы сняли на подстанции?

Боец усмехнулся — криво и недобро:

— Интеллигенция пошла вразнос, командир. Ирина, выведи карточку.

Ирина кликнула мышью, и центральный монитор заполнило досье с цветной фотографией высокого разрешения.

Светлана замерла. Дыхание перехватило.

С экрана на неё смотрел холёный, благообразный мужчина пятидесяти шести лет с аккуратно подстриженной седеющей бородкой, тонкими чертами лица и умными, цепкими глазами в золотой оправе очков.

Левин Аркадий Борисович. *Доктор технических наук, профессор. Заведующий кафедрой высшей геодезии и недропользования Политехнического университета. Главный научный консультант Градостроительного комитета. Член экспертного совета при Министерстве природных ресурсов.*

— Левин... — выдохнула Света.

— Знакомы? — быстро спросил Ворон, мгновенно уловив изменение в её голосе.

— Три года назад он выступал ведущим экспертом со стороны генерального подрядчика по делу об обрушении коллектора на набережной, — Света заговорила быстро, её аналитический ум включился, мгновенно вытаскивая из памяти судебные протоколы. — Я вела судебно-психологическую экспертизу главного инженера. Левин лично защищал проектную документацию в областном суде. Блестящая аргументация, железное самообладание, феноменальная память на цифры. Он буквально размазал сторону обвинения формулами расчёта смещения грунтов.

— Теперь понятно, как они получили допуски в кабельные тоннели подстанции «Сибирская», — хмуро бросил Грач. — У него были мастер-ключи и служебное предписание на проведение вибромониторинга фундаментов метрополитена. Охрана сама открыла ему все шлюзы.

— Он сидит в третьем боксе, — сказала Ирина, открывая видеопоток с камеры наблюдения в изоляторе.

На экране было видно небольшое помещение, обшитое матовыми экранирующими плитами. Профессор Левин сидел за привинченным к полу металлическим столом. Дорогое пальто было расстегнуто, шёлковый галстук сбит набок, на левом виске темнела свежая ссадина, но сидел он прямо, закинув ногу на ногу и демонстративно глядя в объектив камеры с холодной, насмешливой полуулыбкой.

— Всё время лыбится, гад, — добавил Грач. — На наши вопросы отвечать отказался. Заявил дежурному, что задержан незаконно, требует прокурора города и своего адвоката. Уверен, что через пару часов сюда приедет спецназ МВД вытаскивать его.

Штурмовик повернулся к Ворону:

— Командир, этот умник уверен, что защищён своим статусом. Дай мне пять минут. Пара ударов по почкам через мокрое полотенце...

— Если ты тронешь его пальцем, Грач, — негромко, но с абсолютной стальной уверенностью произнесла Светлана, — ты окончательно провалишь допрос.

Штурмовик нахмурился:

— Это ещё почему?

Света посмотрела на экран, где профессор Левин медленно поправлял манжету со следами пыли, не сводя надменного взгляда с камеры:

— Потому что перед нами не рядовой боевик и не сломленный студент вроде Дениса. Перед нами академический нарцисс высшей пробы. И сейчас я объясню вам, как мы снимем с него кожу, не коснувшись его пальцем.

Глава 3. Препарирование веры.

Аналитический зал погрузился в напряженное молчание. На центральном мониторе профессор Левин продолжал методично поправлять манжеты, изредка бросая насмешливые взгляды прямо в объектив камеры наблюдения.

Грач скрестил руки на груди, с явным пренебрежением глядя на Светлану:

— Доктор, при всём уважении... этот напыщенный профессор три часа назад лично крутил тумблеры на подстанции, чтобы пустить под откос утренние поезда с людьми. У него руки по локоть в дерьме. Такие как он понимают только один язык — язык боли.

Света медленно повернулась к штурмовику. Её взгляд — холодный, лишённый страха и наполненный профессиональным цинизмом — заставил бойца на секунду нахмуриться.

— Скажите, Грач, в вашей организации кулак всегда работает изолированно от мозга, или это ваш личный метод дознания? — отчеканила она ровным, ядовито-спокойным тоном.

— Вау! А у доктора Наумовой острые зубки, — хихикнула Ирина. Светлана пропустила смешок мимо ушей. Грач сжал челюсти:

— Чего?!

— Вы путаете примитивного уголовника с идейным фанатиком высшего академического звена, — Света указала кончиком ручки на экран. — Если вы зайдёте в бокс размахивая кулаками, то сделаете Левину королевский подарок. Вы подарите ему статус мученика за «высшую истину». Он решит, что система напугана масштабом его гения. Он уйдёт в глухой отказ, замкнётся или начнёт кормить нас правдоподобной дезинформацией, упиваясь собственной стойкостью. Насилием вы только укрепите его веру.

Ворон, сидевший на краю стола и придерживавший перевязанную руку, чуть приподнял подбородок:

— И как вы предлагаете его ломать?

— Лишив его главного. Того, ради чего он в это ввязался, — Светлана подошла к столу. — Мы пробудим его глубинный страх. Страх оказаться ничтожеством. Это ахиллесова пята любого нарцисса. Левин больше всего на свете боится не боли и не пули. Он панически боится узнать, что его грандиозный ум использовали вслепую. Что для настоящих хозяев культа он — не жрец и не гений, а расходный материал, которого бросили под удар, пока взрослые люди делают настоящую работу.

Ирина за терминалом тихо хмыкнула, не отрывая взгляда от монитора:

— Жестоко. Но красиво.

— Это судебно-психиатрическое препарирование, — сухо констатировала Света. — Мне нужны все изъятые на подстанции материалы: его чертежи, флеш-карты, личные записи, расчёты и один час полной тишины. Я должна найти дыры в его плане. Их просто не может не быть.

Ворон кивнул:

— Работай. Грач, за мной. Составим отчёт о расходах.

***

Следующий час прошёл для Светланы в ритме напряжённого, монотонного труда.

Она сидела за крайним металлическим столом под конусом белого света. Перед ней лежали стопки распечаток с подстанции «Сибирская»: формулы резонансных частот, схемы заземления кабельных коллекторов, графики фазовых сдвигов и рукописные заметки профессора.

Боль в треснувших ребрах пульсировала при каждом глубоком вздохе, но Света старалась не обращать на это внимания. Её перьевая ручка методично чиркала по полям распечаток, оставляя на них пометки.

Как эксперт, она искала не оккультные символы — она искала нестыковки. И она их нашла.

На тридцать седьмой минуте анализа её глаза зацепились за странную аномалию: формулы расчёта геомагнитного резонанса на подстанции были вторичными. Левин явно адаптировал под городские сети какую-то другую, гораздо более масштабную и сложную математическую модель. И в этой адаптации сквозила грубая спешка — часть коэффициентов была подогнана искусственно, словно профессору выдали неполные вводные данные, а недостающие куски он дорисовал сам, исходя из собственного раздутого эго.

Ловушка была готова.

Света отложила ручку, размяла затёкшую шею и аккуратно сложила документы в тонкую картонную папку. Поверх расчётов легли три чистых официальных бланка судебно-психиатрического освидетельствования на предмет признания недееспособности.

Часы на серверной стойке показывали семь сорок пять.

Она налила из термоса чашку крепкого, обжигающего чёрного кофе, взяла папку и подошла к шлюзу третьего бокса.

Ворон уже стоял возле бронированного стекла смежной комнаты наблюдения. Его лицо было бледным, но взгляд оставался предельно собранным.

— Грач на позиции в комнате контроля, — негромко произнёс он, кивнув на темное зеркальное стекло. — В боксе включена полнодиапазонная запись звука и спектральные датчики искажения пространства. Если профессор начнёт спонтанную мутацию или полезет в рукопашную — падаешь на пол и ждёшь, пока Грач зачищает комнату.

Светлана поправила воротник строгой серой блузки, скрывая повязку на груди:

— Он не полезет в драку, Ворон. Я уверена в этом.

Ворон приложил палец к биометрическому замку. Запорный механизм щелкнул, и звукоизолирующая дверь третьего бокса мягко отошла внутрь.

***

Бокс номер три встретил её тишиной, нарушаемой лишь дыханием задержанного.

Стены, пол и потолок здесь были облицованы матовыми графитовыми плитами, поглощающими любые радиочастотные и электромагнитные колебания. В центре комнаты стоял металлический стол, намертво прикрученный анкерными болтами к стяжке, и два таких же стула.

Профессор Левин сидел напротив двери. За прошедший час он успел окончательно освоиться в роли «незаконно задержанного академика»: его поза выражала скучающее превосходство, пальцы были сцеплены в замок на колене, а разбитая линза очков лишь придавала его лицу оттенок богемной небрежности.

Услышав шипение открывающегося пневмозамка, Левин повернул голову от объектива висящей в углу камеры наблюдения. Увидев на пороге не штурмовика с автоматом, а женщину в строгой блузке с папкой и фарфоровой чашкой в руках, он на мгновение приподнял густые седеющие брови.

Затем на его ухоженном лице расплылась снисходительная, почти отеческая улыбка:

— Ба, знакомые лица. Доктор Наумова? — голос профессора звучал глубоко, поставленно, как на университетской кафедре. — Надо же, какие причудливые метаморфозы. Неужели независимая судебная экспертиза теперь занимается обслуживанием незаконных силовых структур?

Света не ответила. Она молча прошла к столу, плавно опустилась на стул напротив и поставила перед Левиным чашку с горячим кофе. Пар с горьковатым ароматом арабики тонкой струйкой поднялся к вентиляционной решетке.

Левин даже не взглянул на чашку. Он откинулся на спинку стула, закинув ногу на ногу:

— Если ваши... работодатели в масках рассчитывали, что присутствие знакомого эксперта собьёт меня с толку, они глубоко заблуждаются. Я прекрасно осведомлён о своих про-

цессуальных правах, Светлана Алексеевна. Моё задержание — это грубейшее нарушение всех мыслимых статей Конституции и УПК. Я требую немедленного вызова прокурора области и моего личного адвоката.

Света открыла картонную папку, достала первый бланк и положила его перед собой. Затем, отвинтив колпачок своей ручки, аккуратно вывела в верхней графе: *«Акт первичного судебно-психиатрического освидетельствования»*.

Левин насмешливо хмыкнул:

— Вы собираетесь документировать мой отказ от дачи показаний? Не утруждайтесь. Я не произнесу ни единого слова, пока здесь не появятся официальные представители Следственного комитета. Все эти детские игры в секретные подвалы закончатся ровно в тот момент, когда руководство университета обнаружит моё отсутствие. А это произойдёт через сорок минут.

Светлана посмотрела на своего оппонента взглядом врача, изучающего застарелую язву на теле безнадёжно больного пациента.

— Аркадий Борисович, вы понимаете, где находитесь? — спросила она тихо.

Профессор раздражённо повел плечом:

— Прекратите этот фарс, Наумова. Мы находимся на закрытом объекте, функционирующем вне правового поля Российской Федерации. И вы лично станете фигурантом уголовного дела о незаконном лишении свободы, когда этот цирк накроет спецназ ФСБ.

Света сделала короткую пометку в бланке:

«Фиксируется выраженная дезориентация в ситуации. Пациент демонстрирует стойкие бредовые идеи величия с параноидной фиксацией на собственной правовой неприкосновенности. Критика к тяжести соматического и социального статуса отсутствует».

Левин, успевший прочитать написанное вверх ногами, поперхнулся. Его благообразное лицо на секунду исказилось от внезапного приступа ярости:

— Что вы там пишете?! Какая дезориентация?! Вы в своём уме, Наумова?!

Света спокойно перевернула страницу, даже не повысив голоса:

— Субъект проявляет вербальную агрессию при попытке верификации реальности. Нарушение логических связей: пытается апеллировать к институтам государства, против инфраструктуры которого три часа назад лично совершил диверсионно-террористический акт.

Она подняла ручку и посмотрела Левину прямо в переносицу — точка, которая у нарциссических личностей вызывает подсознательную панику:

— Аркадий Борисович, никакой спецназ за вами не приедет. Для внешнего мира ваше исчезновение ещё не оформлено, но это вопрос пары часов. Вас не будут судить по Уголовному кодексу. Вас даже не упекут на пожизненное как террориста. Вы просто останетесь здесь, в этом бетонном кубе, до конца своих дней в статусе пациента с необратимым распадом личности на фоне запущенного органического психоза.

У Левина нервно дёрнулась щека. Уверенность в его взгляде впервые дала едва заметную трещину:

— Вы блефуете. Мой статус... мои связи в министерстве...

— Ваши связи аннулированы в ту секунду, когда вас скрутили в кабельном коллекторе подстанции, — сухо отрезала Светлана, пододвигая к себе распечатки его формул. — Но я здесь не для того, чтобы обсуждать ваш статус. Мне глубоко безразлична ваша судьба, профессор. Я здесь только для того, чтобы зафиксировать профессиональную ошибку, из-за которой вас списали в утиль ваши собственные хозяева.

Левин замер. Зрачок за целым стеклом очков резко сузился, а пальцы, сцепленные на колене, побелели от напряжения.

— Что вы сказали? — переспросил он сдавленным голосом.

— Я сказала то, что очевидно любому судебному эксперту, работающему с рукописными документами, Аркадий Борисович, — спокойно повторила Светлана, доставая из папки

исчерканные чернилами листы с распечатками схем подстанции «Сибирская». — Я потратила последний час на изучение ваших рабочих черновиков. И знаете, о чём они говорят мне?

Она положила перед ним лист, где стройные математические колонки местами превращались в сплошное месиво из правок.

— О панике и неуверенности, — Света указала кончиком ручки на затёртые почти до дыр строки. — Посмотрите на нажим пера. Здесь вы вели расчёты уверенно, ровным почерком. А вот здесь начинаются исправления. Восемнадцать правок на одной странице. Вы зачёркивали, переписывали заново, психовали, снова зачёркивали. Чернила размазаны. Рука дрожала.

Она перевернула страницу:

— А на полях вы писали себе шпаргалки на латыни. *«Ignorantia non est argumentum»*. Пытались подбодрить самого себя? Только вот латынь у вас книжная, академическая. Вы не создавали эту модель с нуля, профессор. Вы судорожно пытались подогнать чужие, гораздо более сложные исследования под геометрию городской подстанции. И у вас не выходило. Вы путались в чужих формулах, как студент-первокурсник.

Лицо Левина мгновенно налилось багровым румянцем. Прямой удар по его главному идолу — статусу признанного академического гения — сработал как детонатор.

— Путался?! — прошипел он, подавшись всем телом вперёд. — Вы... жалкий прикладной психолог смеете судить о моём интеллектуальном уровне по росчеркам пера?! Да вы хоть знаете, какой объём данных мне пришлось переработать за трое суток?!

— Знаю, — холодно парировала Светлана. — Вы получили обрывок чужой гениальной работы. Тот, кто составил исходник, мыслил на совершенно другом уровне. А вам просто спустили черновик и приказали привязать его к городским кабелям. Вы не гений, Аркадий Борисович. Вы — обычный исполнитель. Причём не слишком аккуратный.

— Я не исполнитель! — Левин с размаху ударил ладонью по столу так, что подпрыгнула остывающая чашка. — Мне никто ничего не приказывал! Я адаптировал фундаментальную матрицу!

— Вас использовали вслепую, — Света продолжала давить на ту же болевую точку, методично понижая голос. — Ваш куратор прекрасно понимал, что вы не сможете преуспеть. Вас просто выставили вперёд как громкую, статусную фигуру. Как отвлекающую мишень для штурмовых групп, пока серьёзные люди делают настоящую работу. Вы для них — расходный материал.

— Замолчите! — сорвался на крик Левин. Его академическая спесь окончательно слетела, обнажив истеричное, загнанное нутро. — Вы ничего не знаете! «Геолог» лично передал мне оригинальные полевые дневники пятьдесят первого года! Он доверил их мне, потому что только у меня хватило мозгов сопоставить сталинскую триангуляцию с современными координатами!

Света не дрогнула. Её аналитический ум мгновенно зафиксировал зацепку: *«Геолог». 1951 год.*

— «Геолог» просто нашёл тщеславного старика, который заглотил наживку, — с ледяным сочувствием произнесла Светлана. — Если бы вы действительно были нужны, вы бы сейчас работали с ним на основном объекте. Но вас бросили здесь, в грязи и бетоне. Потому что к настоящей работе вас никто не подпустит.

— Меня?! Не подпустят?! — Левин резко вскочил со стула. Его очки перекосило, лицо исказила гримаса слепой ярости, но Света даже не повела бровью. — Да я знаю об основном контуре больше, чем все ваши цепные псы вместе взятые!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.